

КОЛЬКА-ВЕНИК

Веники обычно вяжут из сырья, широко распространенного в конкретной природно-климатической зоне. К примеру, в Беларуси их делают из березы, дуба, можжевельника, камыша, полыни, человека. В зависимости от материала они используются для подметания полов, улиц, тротуаров и для парения в бане. Колька-веник — веник универсальный, многообразный, гнущийся, мягкий, прочный, ибо соединил в себе свойства березовой ветки и белорусского характера.

Таинство соединения березы и белоруса в веник начинается в лесу. Мне посчастливилось наблюдать сей процесс и выявить кое-какие технологические закономерности. Первейшее правило Кольки в том, чтобы подыскать березку определенного возраста. Увлечешься молодой и хрупкой — веник получится ломким, недолговечным. Возьмешь в оборот старую и повислую — из нее выйдет не упругий веник, а тряпка. Колька высматривает идеал — лет тридцати. И чтобы подходила ему невысоким ростом. Чтобы достать руками нижние ветки (можно подпрыгнуть), подтянуть к себе, повертеть, хорошо рассмотреть. На верхушке каждой ветки он ищет не менее трех отростков. Если Колька увидит менее трех — отпустит, не станет зря срезать, чтобы потом выбросить.

Наглядевшись вверх на березы, Колька чувствует головокружение. Вокруг него крутится зеленое колесо из берез, сосен, осин, елок... Где-то в этой карусели — тележка с заготовленными ветками. Ее надо разыскать. Ищет-ищет, по пути встречаются березки с ветками по три отростка. Они обещают хороший веник, а в иных обещаниях Колька не нуждается. Он увлекается идеальными ветками. Он готов их целовать. Набрал охапку, еле тащит. И тут вспомнил, что искал тележку...

Когда охапка, тележка и Колька наконец воссоединяются — веток целая гора. Но никакой беды нет. Он оборвет листья, голые ветки наверняка поместятся в тележке. Колька садится на траву под березой, глотает таблетку от сердца, смотрит на солнце, на часы, на муравьев в траве, слушает, как бьется сердце, поют птицы, шелестит в березе ветер. Начинает посапывать, похрапывать — и засыпает.

И снится ему отец. На выходе из деревни, у шоссе Москва-Варшава, собралась толпа. Отец, попрощавшись со всеми, сидит на повозке. "Но! — Кричит кто-то. — С Богом, Иван!" Четырехлетний Колька хочет посмотреть вослед. Посмотреть на отца, который уезжает в Аргентину на заработки. Колька видит пенек, бежит к нему, залезает, смотрит на уехавшую повозку, но отца разглядеть уже нельзя...

Он просыпается через десять минут. Сердце бьется ровно. Голова почти не кружится. Птицы поют и поют. Ветер посвистывает. Береза вздыхает. Сосна поскрипывает. Муравьи ползут и ползут. Колька берет ветку за веткой, ловким скользящим движением ладони захватывает и сдирает листья. Венику для подметания полов листья во вред. Нужны тонкие кончики, освободить их

от листвы надо осторожно, чтобы кончик не сломать. Польза и красота березового веника — в нежном кончике. Он подсохнет, огрубеет, не потеряет гибкости, обеспеченной березой и Колькой.

Уложив очищенные ветки в тележку, увязав их веревкой, Колька определяет свое месторасположение в пространстве и времени. Смотрит на солнце и часы. Вспоминает, с какой стороны входил в лес. Прикидывает, на сколько километров углубился. С каждым днем, месяцем и годом радиус его походов увеличивается, так как березы ближнего круга уже проверены. Необходимо кружить дальше и дальше, чтобы делать веники высокого качества.

Колька устанавливает направление домой, находит в лесу попутную дорогу, досконально зная, куда ведет каждая. Выкатывает на дорогу тележку — и, упершись в груз, наклонив вперед голову в черном стильном беретике, шагает, шагает, шагает...

Когда из рынка уходят покупатели, праздничношатающиеся, бомжи, воры, когда продавцы сняли халаты, подсчитали и сдали остатки товара, дневную выручку и незаметно исчезли, когда выяснили отношения и разбежались в разные стороны рэкетеры, хозяева и милиционеры, когда "лица кавказской национальности" растворились в сумерках, когда важный директор уехал на дорогой машине, — рынок не пустеет. Тогда наглядно видно, насколько он завален мусором.

Шумный человеческий муравейник оставил после себя убедительнейшие свидетельства своего бескультурья, своей хронической нечистоплотности. Если бы покупатели вдруг вернулись и увидели завалы мусора, они бы не стали покупать на рынке мясо, фрукты, рыбу, овощи, ягоды, грибы...

Но покупатели придут завтра утром. А сегодня вечером на рынке орудует женщина с метлой. Десятки женщин метут, метут, метут. Главный зал, коридоры, лестницы, подсобки, торговые ряды, проходы обретают вид, от которого не разочаровывает и не тошнит и который подтверждает простую истину: человечество не тонет в мусоре благодаря венику. Подметенный пол — основа культуры.

Веник имеет сходство с ракетой (кометой). Потому баба-яга выбрала метлу в качестве молниеносного средства передвижения (тихоходные маршруты она совершает обычно в ступе). Метла, напомню, — тот же веник со вставленной длинной палкой. Держась за палку, бабе-яге удобно управлять веником в полете, а женщинам из Главного рынка страны — сподручнее подметать пол, возвращать человечество на основу основ. Образно поясняет нашу тему анекдот. В комнату, где зять читает газету, входит теща с метлой. Зять спрашивает: "Мама, вы подметать или куда-нибудь летите?"

Пока человек нуждается в венике — существует и надежда на возрождение человека. Возрождение начинается с чистоты. Глядя на замусоренные, загаженные, особаченные, вонючие дворы, тротуары, подъезды, лестницы, лифты, я думаю о Кольке, который шагает, шагает, шагает, толкая тележку с березовыми ветками. Колька меня убеждает, что еще не перевелись белорусы, которые идут зная куда и зачем.

Вот Спаситель наш открывает родную калитку, втаскивает на усадьбу тележку, тяжело опускается на скамейку. Из огорода бежит жена Нюрка, на ходу сбрасывает рабочий халат, под которым красивая кофточка в тон бусам. Нюрка тревожно спрашивает, почему задержался, как самочувствие. Ведет на кухню, наливает стопку самогонки и тарелку борща, садится рядом, смотрит, как муж устало ест, говорит тоже устало, серьезно, тихо, незлобливо, как обычно говорят не в первый раз: "Погубят тебя эти веники, Колька. Брось. Ты не двуличный. Тебе семьдесят пять лет, дурачок. Посиди. Пожалей себя и меня."

У него сейчас нет сил отстоять словами свою активную жизненную позицию. В знак несогласия он машет рукой. Идет к дивану, быстро, как ребенок, засыпает. Пока Колька спит, Нюрка приходит, прислушивается, как он дышит, кладет ладошку на его мокрый лоб, накрывает, когда раскрылся...

И снится ему мать. Она плачет и говорит, что отец в Аргентине устроился плохо и что Кольке надо идти на заработки в соседнюю деревню — пасти коров у богатого хозяина. И хозяин везет Кольку на велосипеде. Семилетний Колька сидит на раме, босые ноги мерзнут, потому что холодный апрель. Въехали в хозяйский двор. Хозяин снял Кольку с рамы велосипеда. Поставил на землю. А Колька — упал. Не смог стоять на околევших ногах...

Через час Колька вновь на посту номер один. Болят ноги, но время не терпит. Надо составить веник из веток, пока те не пересохли. Сырые ветки тесно прижмутся одна к другой, не будут топорщиться в разные стороны, как тараканьи усы, лягут округло и равномерно, словно шетина в помазке. Когда веник густой и мягкий, как помазок, он подберет каждую соринку на полу. Женщины метут и хвалят того, кто такой веник связал. Колька тщательно подбирает ветки по размеру и пушистости, туго обвязывает черенок из вениковых прутьев синтетической бечевкой в двух местах. Пользователи вставят палку и превратят веник в метлу.

Рядом с Колькой, на табуретке, стоит бутылка с самодельным ликером и рюмочка. Время от времени Колька наливает, выпивает. Что-то поет себе под нос, что выдает блаженство его души. А возле желто-лимонной стены дома выше и выше поднимается сиреневый штабель веников, от которых исходит запах мироздания: древесной коры, березовой почки, меда, ветра, неба, солнца...

Связав привезенную партию веток, Колька берет направление на диван. Только положил голову на подушку — уже спит.

И снится ему эротический сон. После ранения под Варшавой его привезли в госпиталь. Всего закрутили в бинты, не залепили только глаза. И видит он женщину в белом. Когда девятнадцатилетний мальчик видит женщину, ему ничего не болит. Даже когда срывают бинты. Женщина обняла его, прижалась к нему всем телом, он чувствует ее теплую грудь, слышит ее слова: "Потерпи, миленький!.."

Жена говорит, что он не двужилый. Она права. Колька — сорокажильный. Как веник. Колька высоко ставит веник, потому что веник еще никто и никогда не сломал. Даже Иван Поддубный. Сорок лет боролся, не проиграл ни одного соревнования, гнул подковы, завязывал гвозди, а с веником оконфузился. Тоненькие березовые жилки, сложенные вместе, несломны.

Чтобы веник сломать, надо его распотрошить. Смотри: беру отдельный прутик — хрусь, беру второй — хрусь, третий — хрусь... Так — и человека. Попал тебе вредный начальник, например, мастер на заводе. Хрусь — сломал тебя, деваться некуда, ты раб. Чтобы тебя не сломали, имей еще одну работу. Тут начальник вредный, а там, может, нормальный. В любой момент перебежишь к нему. Но не спеши. Вредного начальника можно переделать. Поставь ему бутылку. От дармовой еще никто не отказался. Я знаю. Помоги ему отделать квартиру, дачу. Я всю жизнь клепал начальникам жестянки и не брал денег, только кормежка и выпивка за их счет. Они оплатят тем, что дадут выгодный наряд, отгул, если надо, отпуск, когда тебе захочется. Дружи с маленьким начальником — и тебя не сломает большой начальник. Никто не сломает. Как этот веник. Я знаю. И ты, Толик, мотай на ус.

Всю жизнь Колька работал в двух-трех местах. Во-первых, чтобы больше заработать. Вдвоем с женой возвести (в конце пятидесятых) шлакобетонный дом в Минске, в поселке Северный, купить "Жигули" (в начале семидесятых), построить дачу (в начале восьмидесятых), прилично одеть жену, дочку, и себя не забыть, и чтобы в холодильнике стояло выпить и закусить... Во-вторых, — следовал философии веника.

Основная работа Кольки протекала на заводе — жестянщиком. Ставил и чинил кровли, делал дождевые спуски, вентиляционные системы и тому подобное. Вторая работа — в ЖЭСе, тоже по жестяной части. Еще делал шабашку. Заводские начальники, маленькие и большие, Кольку ценили, в шестьдесят лет на пенсию не выпроводили, как других.

Он ушел с завода, когда посчитал нужным. В начале девяностых на заводе все превратилось в демократов, перестали подчиняться друг другу, начался бардак, зарплата сделалась копеечной. Выгоднее стало шабашить, начался дачный ажиотаж, жестянщик был нарасхват. Жестяные работы — главным образом высотные работы. Стоишь на зыбкой лестнице, зубилом и молотком долбишь в стене дырку, ставишь пробку, прикручиваешь кронштейн, навешиваешь трубу или слив.

Жестянка — тяжелая работа. немеют руки и ноги, болит шея. Колька оставил это занятие после семидесяти, когда пару раз свалился с лестницы от усталости и головокружения. Сильно переживал свою слабость. Как будто кто-то начал потрошить его, вытаскивать прутик за прутиком, чтобы сломать. Спасибо венику! Он не только философичен. Веник мобилизовал Кольку.

Контракты на поставку березовых веников Колька заключил с Главным рынком, с ЖЭСом, с баней, с частной фирмой. Первым двум потребителям веники нужны для подметания, вторым двум — для парения, то есть с листьями. Чтобы обеспечить всех, нужно связать не сотни, а тысячи веников. К даче, где круглый год живут Колька и Нюрка, заказчики приезжают за вениками на грузовике.

Нет никого счастливее Кольки, когда мужики считают и грузят его веники, восхищаются их количеством, качеством, но больше — сознательностью, трудолюбием, терпением вязальщика. О том, сколько он получит за работу, не спрашивают. Знают: получит издевательскую сумму. Пошутить на эту тему боятся, чтобы невзначай не обидеть старика.

Я тоже не шучу с ним на тему веничного промысла, хотя он мне близкий человек и понимает шутку. Знаю, что где-то в глубине моей природы я такой же, как он. Колька — мой дядя, родной брат моей мамы. Он, как и я, родился в деревне Горск на Брестщине. Я вижу его отношение к венику как смыслу жизни. Над жизнью человека шутить грешно. Без веников он сразу помрет. Ляжет без дела на диван, накинутся все болезни — и отдаст концы. Так он объяснил мне свою страсть.

За крупную партию веников он заработает примерно как две-три пенсии (пенсия Кольки-фронтовика чуток больше средне-нищенской). Двух пенсий, Колькиной и Нюркиной, не хватает, чтобы нормально жить. Так что приработок кстати. Колька еще и откладывает. Кладет в сбербанк. Когда я говорю, что его накопления съедает инфляция, Колька возражает: как же получились проценты?

Государство в девяносто втором году присвоило все деньги Кольки, накопленные тяжелым трудом в трех местах. Но он все равно отдает свои сбережения государству. Благодаря Колькиным веникам милиционеры носят дубинки, президент летает на красивом вертолете, генерал пьет коньяк и руками солдатиков строит себе коттедж...

Видя несломленность и многожилность Кольки, государство активно пользуется им для заметания своих нечистоплотных следов, для сокрытия своих грязных дел, для отмытки своего греховного тела. Колька — веник и половой, и банный. Многофункциональный. Получив в банке остатки спаленного инфляцией вклада и мифические проценты, он идет в магазин.

В разных тайных местах у Кольки аккуратно складирован неприкосновенный запас: тушенка свиная и говяжья, шпроты, растворимый кофе, мука, сахар, соль, спички, соленое сало, самогонка, сухари. Партии некоторых продуктов весьма крупные, горы смазанных (чтобы не ржавели) банок выглядят внушительно. С гордостью показывая мне свой НЗ, Колька съезвит: купил за инфляцию.

Кроме продуктов, в больших количествах заготовлены дрова, керосин, минеральные удобрения, ядохимикаты. Дачный дом он поставил кирпичный: чтобы не сгорел. Огород обильно проторфовал, произвестковал, унавозил, для чего сделал жестянку местному колхозному начальству. А Нюрка расправилась с сорняками. С ухоженной землей никакой черный день не страшен.

В автономном режиме маленькая Колькина дача как социально-экономический организм может существовать долго. Никакой кризис извне сюда не проникнет. Никакая власть Кольке больше не навредит. Посему ему безразлично, какая власть придет завтра. Никто и никогда не изменит ход его мыслей и направление его действий. Он сам себе президент, у него есть проверенный за полвека заместитель — Нюрка.

Хорошей власти он за семьдесят пять лет так и не увидел, хотя жил при поляках, немцах, коммунистах, демократах, президенте. Все они схожи тем,

что пользовались Колькой как веником. Высококачественным, надо сказать, веником. Гибким, то есть толерантным. До того толерантным, что ему наплевать, кто им пользуется. На сей счет у него нет комплекса неполноценности. Наоборот, он чувствует себя полноценным по причине собственной гибкости. Им метут как раз потому, что он сохраняет самоидентификацию веника. Он не превращается в пылесос. Им метут пыльный пол, а он сам себе на уме, думает про то, что завтра будет еще хуже.

Колька так привык жить черным днем, что с трудом может вспомнить день светлый, к которому в душе все-таки стремился всю жизнь. Последняя Колькина надежда — веник. Веник — его самовыражение, его полет.

Как нельзя оценивать в венике каждый прутик в отдельности, так неправомерно рассматривать и комментировать порознь те или иные качества Кольки, типичные для белорусского характера. Хотите что-то сказать про белоруса, прежде вспомните принцип веника. Все ментальные качества белоруса, вместе сложенные, делают его многожильным, несломным — многофункциональным. Чего еще хотеть? Главное — сохраниться, функционировать, жить.

К старту в светлый день все готово. Колькин дом обложен вениками, как ступенями-ракетами обложена космическая станция перед взлетом. Один веник — одна ступень. В каждом венике сконцентрирована громадная положительная энергия белорусской березки и белорусской тоски. Многоступенчатая, многовениковая мечта выведет Кольку на самую счастливую орбиту.

Удачного полета вам, дорогие дядя Коля и тетя Нюра!..

2001